

Ярослав Дмитриевич МудряковУральский социально-экономический институт, Челябинский филиал,
преподаватель кафедры общественных и гуманитарных дисциплин, Челябинск, Россия
e-mail: ymudryakov@mail.ru**Диалектика самоутверждения и самоотчуждения в культуре информационной эпохи:
перформативность, трансформативность и креативность
как основания идентичности человека**

Аннотация. В статье анализируются трансформации процессов самоутверждения и самоотчуждения человека в информационную эпоху. Доказывается, что перформативность (процесс цифрового самопредъявления), трансформативность (способность и готовность к постоянному изменению в ответ на требования среды) и креативность (императив производства новизны), будучи основополагающими чертами Homo digitalis, приобретают амбивалентный характер, выступая одновременно инструментами конституирования идентичности и источниками отчуждения человека. На основе идей Г. В. Ф. Гегеля (диалектика признания), М. Хайдеггера (подлинное/неподлинное бытие), Ж. Бодрийяра (симулякр), Г. Дебора, Бён-Чхоль Хана и современных исследователей цифровой культуры (Л. Демикелис, Г. Кёниг, Р. В. Пеннер, Ш. Теркл, К. Чейка) раскрывается логика «отчуждающего самоутверждения», при котором стремление к признанию через цифровые способы конституирования человеком своей целостности приводит к зависимости от алгоритмической валидации, к расщеплению «Я» и формированию нового антропологического цикла: творческое опредмечивание → алгоритмическая объективация → симулятивная субъективация. Делается вывод о том, что в информационную эпоху самоутверждение и самоотчуждение выступают одновременными и взаимопорождающими эффектами одних и тех же процессов в перформативно-креативном контексте.

Ключевые слова: самоутверждение, самоотчуждение, идентичность, перформативность, креативность, трансформативность, хитрость алгоритмического разума, культура информационной эпохи, Homo digitalis.

Yaroslav D. MudryakovUral Socio-Economic Institute, Chelyabinsk Branch, Lecturer of the Department of Social
and Humanitarian Disciplines, Chelyabinsk, Russia
e-mail: ymudryakov@mail.ru**The Dialectic of Self-Affirmation and Self-Alienation in Information Age Culture:
Performativity, Transformativity, and Creativity as Foundations of Human Identity**

Abstract. This article analyzes the transformations of human self-assertion and self-alienation in the information age. It is argued that performativity (the process of digital self-presentation), transformativity (the ability and willingness to constantly change in response to environmental demands), and creativity (the imperative to produce novelty), while fundamental characteristics of Homo digitalis, acquire an ambivalent character, simultaneously serving as tools for identity construction and sources of human alienation. Drawing on the ideas of G. W. F. Hegel (the dialectic of recognition), M. Heidegger (authentic/inauthentic being), J. Baudrillard (simulacrum), G. Debord, Byung-Chul Han, and contemporary researchers of digital culture (L. Demichelis, G. Koenig, R. W. Penner, Sh. Turkle, K. Cheika), this article reveals the logic of “alienating self-affirmation”, in which the desire for recognition through digital means of human self-constitution leads to dependence on algorithmic validation, the splitting of the “self”, and the formation of a new anthropological cycle: creative objectification → algorithmic objectification → simulative subjectification. It is concluded that in the information age, self-affirmation and self-alienation are simultaneous and mutually generating effects of the same processes in a performative-creative context.

Keywords: self-affirmation, self-alienation, identity, performativity, creativity, transformativity, cunning of the algorithmic mind, information age culture, Homo digitalis.

© Мудряков Я. Д., 2026

Для цитирования: Мудряков Я. Д. Диалектика самоутверждения и самоотчуждения в культуре информационной эпохи: перформативность, трансформативность и креативность как основания идентичности человека // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2026. № 2 (51). С. 15–20. DOI: 10.36809/2309-9380-2026-51-15-20

Статья доступна на условиях лицензии

Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Введение (Introduction)

Переход к информационной эпохе стал одним из наиболее радикальных преобразований способов бытия человека. Если индустриальная эпоха изменила структуру труда и задала новые формы отчуждения, то цифровая культура глубоко затронула саму структуру субъективности и формы взаимодействия человека с действительностью. Цифровая экосистема выступает не просто как новый инструментарий, она становится иным качественным пространством для жизни, сознания и социальности, выступая как *modus vivendi* для человека. Важно подчеркнуть, что этот обновленный «жизненный мир» не является простым дополнением к физической реальности, а образует с ней сложную, гибридную структуру. Как отмечает Дж. С. Элуэлл, «эти технологии настолько глубоко интегрированы в среду нашей жизни, что становятся невидимыми и формируют вычислительную атмосферу нашего существования» [1, р. 235] (перевод наш. — Я. М.). Однако, в отличие от ранних оптимистических прогнозов, сегодня можно констатировать, что этот гибридный мир несет в себе не только возможности для кооперации, но и глубокие антропологические риски. Пространство повседневности, будучи некогда сферой приватного, оказывается буквально обнаженным перед лицом бесчисленных информационных потоков. Смартфон, планшет, ноутбук становятся не устройствами связи, а «экзистенциальными порталами», удерживающими человека на границе двух миров, и это порождает особый тип усталости — когнитивную и эмоциональную.

В настоящее время человеческая деятельность всё чаще приобретает перформативный характер: наши действия, наполненные демонстративностью, драматургичностью, становятся предметом для внимания со стороны других. Размещаемые посты в социальных сетях, сторис на виртуальных площадках направлены на стимулирование привлечения внимания, ибо через них человек обращается к другим, предьявляет себя. Перформативность оказывается амбивалентной: одни и те же способы самопрезентации могут утверждать личность, а могут редуцировать человека до набора действий, соответствующих алгоритмическим ожиданиям. Параллельно проявляется трансформативность сознания и действий: каждый акт способен изменить самого человека, его отношения с другими. Трансформативность может заключать в себе как созидательный, так и деструктивный смысл. И, наконец, культура информационной эпохи формирует новые способы проявления креативности: мемы, блоги, стримы, коддинг глубоко интегрированы в повседневность. Но именно креативность всё чаще превращается в экономический ресурс платформ и корпораций, способствуя усилению отчуждения творца от собственного творения. Центральным парадоксом информационной эпохи выступает феномен «отчуждающего самоутверждения»: архитектура и практики цифрового пространства, предоставляя беспрецедентные инструменты для конструирования идентичности, одновременно и имманентно порождают новые формы отчуждения человека от его социальных связей и собственной аутентичности. Перформативность, трансформативность, креативность выступают ключевыми механизмами, опосредующими данный диалектический про-

цесс. Однако эти механизмы укоренены в глубинном экзистенциальном выборе самого человека. Как убедительно показывает С. А. Смирнов, современная ситуация знаменуется тем, что «человек испытывает глубинный, неизбывный, смертельный, онтологический соблазн... он впервые испытывает искушение отказаться от самого себя. Он предпочитает не быть, он дает себе право не быть, т. е. отказывается от своей собственной нормы» [2, с. 23]. Цифровая среда выступает не просто катализатором, но и материальным воплощением этого соблазна. Именно этот фундаментальный соблазн отказа от себя создает ту антропологическую почву, на которой перформативность, трансформативность и креативность способны превратиться из способов самоутверждения в инструменты самоотчуждения.

Методы (Methods)

1. Перформативность как гегелевская идея признания в контексте пространства цифровых алгоритмов. В философии Г. В. Ф. Гегеля становление самосознания неразрывно связано с диалектическим процессом опредмечивания вовне и возвращения к себе через признание себя Другим. «Я» обретает уверенность в своей реальности только будучи признанным другим свободным самосознанием. Ключевой момент гегелевской диалектики — возврат к себе из инобытия: субъект опредмечивает себя в мире, а затем, видя свое отражение в признающем его Другом, обретает себя утвержденным. Другой здесь — равноправный, живой субъект, чье признание обладает экзистенциальной значимостью. В культуре информационной эпохи этот фундаментальный антропологический сценарий претерпевает принципиальные изменения. С точки зрения Р. В. Пеннер, в интернете разворачивается активная «борьба за признание», и в «определенном смысле целью этой борьбы остается социальный капитал, в котором всё же на поверхности превалирует символическое (лайки, упоминания, репосты)» [3, с. 8]. Перформативность выступает здесь как доминирующая форма опредмечивания: человек утверждает себя в актах цифровой самопрезентации. Однако Другой, чьего признания человек ищет, всё чаще предстает не в лице конкретного *alter ego*, а в образе абстрактной и непрозрачной алгоритмической инстанции. Борьба за признание превращается в борьбу за метрики. Признание приобретает количественный, измеримый, но не качественный характер, выступая перформативным признанием не перед живыми людьми, но перед алгоритмами. Алгоритмическое признание принципиально асимметрично. Сам алгоритм не нуждается в признании со стороны человека, он не рискует собой перед лицом Другого и не вступает в диалог в классической «живой» форме. Здесь разрушается ключевое условие диалектики признания — взаимность. Признание утрачивает экзистенциальную глубину и превращается в одностороннюю процедуру оценки, где человек вынужден постоянно доказывать собственную значимость без возможности быть признанным окончательно. Алгоритм — это не живое сознание, обладающее интенциональностью, но машина распределения живого внимания. Человек утверждает себя перед алгоритмом, чтобы он признал его достойным быть показанным. Другой, как живой «при-

ниматель», скорее вторичен, он лишь часть наблюдающей аудитории, которую алгоритм курирует. В этом «окликании» можно усмотреть мрачную иронию над хайдеггеровским понятием «зов бытия». Если у М. Хайдеггера «зов бытия» обращен к подлинной самости человека, пробуждая его от погруженности в мир «Они», то алгоритмический зов, напротив, направлен на то, чтобы еще больше укоренить человека в искусственном, симулятивном существовании. Этот зов звучит как push-уведомление, как рекомендательная лента. Он манипулирует дорефлексивными структурами сознания, эксплуатируя базовые потребности в признании. Человек, отвечая на этот зов, всё дальше уходит от тишины саморефлексии в шум информационного потока, где его Я постоянно рассеивается. Алгоритмическая валидация — это процесс количественной и автоматизированной оценки цифровой активности человека алгоритмами платформ, который заменяет собой традиционное межличностное признание и становится ключевым механизмом, влияющим на формирование идентичности в цифровой среде. Она не является бинарной (признание/непризнание), а приобретает черты количественной мерности, что порождает перманентное состояние тревожного ожидания и зависимости. Способы самоутверждения становятся бегом по бесконечной дорожке, где финишная черта постоянно отодвигается.

В контексте гегелевского признания следует обратиться и к феномену «хитрости алгоритмического разума». В концепции Г. В. Ф. Гегеля «хитрость мирового разума» состояла в том, что субъекты, преследуя свои частные цели, невольно служат осуществлению всеобщего, воли мирового разума: «Можно назвать хитростью разума то, что он заставляет действовать для себя страсти, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред» [4, с. 84]. По аналогии современную ситуацию можно связать с «хитростью разума», но совершенно иного порядка: человек, искренне стремясь к признанию и самоутверждению через перформативные действия, объективно служит целям платформы — он порождает контент, удерживает внимание, создает сетевые связи. «Хитрость алгоритмического разума» заключается в инверсии мотивации: свободный акт самоутверждения превращается в отчужденную деятельность, где человек становится «винтиком» в логике производства данных и «захватывания» внимания. Желание самоактуализироваться становится сырьем для машинного обучения. Эта логика обретает завершение в концепции «надзорного капитализма» Ш. Зубофф. Перформативный акт самоутверждения превращается в акт бесплатной поставки «поведенческого излишка». Алгоритмы используют наши посты, лайки и перемещения не для признания нашей личности, а для создания предиктивных моделей, позволяющих манипулировать будущим поведением. Зубофф называет это новой формой власти — «инструментаризмом»: «Инструментарная власть знает и формирует поведение человека для достижения целей других людей» [5, с. 17–18]. Процесс самоотчуждения проявляется здесь в том, что творческий акт человека, направленный на самовыражение, начинает подчиняться чуждой логике ранжирования и виральности. Человек становится исполнителем в чужом сценарии. Этот процесс можно рассматривать

через призму концепции «Фабрики-Сети» Л. Демикелеса, согласно которой технологические цифровые платформы становятся агентами, отчуждающими способности человека к творчеству. Архетип Нарцисса обретает новое воплощение: человек влюбляется в собственный образ, отчужденный от него и оптимизированный алгоритмами, делегируя ему свои творческие интенции [6]. Процесс опредмечивания не завершается подлинным возвращением-узнаванием себя в Другом. Он закликивается на производстве знаков, от которых сам человек становится зависим. Таким образом, перформативность, являясь проявлением самоутверждения, содержит в себе зерно самоотчуждения, связанного с подменной экзистенциального признания его алгоритмически опосредованной формой.

2. Трансформативность и креативность как проявления подлинного и неподлинного бытия в модусе «Они» и сетевой культуре. Хайдеггеровское различие между подлинным (*eigentlich*) и неподлинным (*uneigentlich*) способами человеческого существования предоставляет ключ к пониманию креативности в ее современном варианте и связанной с ней трансформативности. Подлинное бытие предполагает осознанное проектирование собственной жизни на основе внутренних, «собственных» возможностей. Неподлинное бытие характеризуется растворением в анонимном *Das Man* («Они»), которое предписывает усредненные, обезличенные способы мышления и поведения, а также «повседневности способ быть» [7, с. 127].

В информационную эпоху императивы «Будь креативным!» и «Будь гибким, адаптивным!» всё чаще функционируют как диктат «Они». Креативность в этих условиях перестает быть модусом свободного раскрытия бытийных возможностей человека и превращается в нормативное требование, навязанное логикой публичности, конкуренции за внимание и экономикой платформ. Трансформативность — постоянная готовность к изменению самопрезентации в ответ на запросы алгоритмов — становится вынужденной адаптационной стратегией. Алгоритмическая логика соцсетей становится техническим воплощением «Они», определяющим, какая версия «Я» получает признание. Стоит подчеркнуть, что «Они» в цифровую эпоху обретают черты, которые делают их власть более тотальной. Если раньше управление «Они» осуществлялось через механизмы традиции и общественного мнения, то сегодня оно алгоритмически просчитывается и персонализируется. Система рекомендаций не просто говорит: «Будь как все». Она говорит: «Вот наиболее лучший для тебя способ быть как все». Алгоритм не принуждает сверху, он как бы соблазняет человека изнутри, предлагая именно тот контент и те формы самовыражения, которые будут одобрены анонимной массой, но при этом создают у индивида иллюзию свободного, уникального выбора. Человек творит и трансформирует себя, ориентируясь не на внутреннюю потребность в самовыражении («забота о себе»), а на внешние, ускользающие алгоритмы платформ и усредненные ожидания аудитории. Ш. Тёркл, исследуя идентичность в цифровую эпоху, отмечает тенденцию к расщеплению «Я» на множество частичных «себя», проецируемых в разные онлайн-контексты, что ведет к кризису целостности и аутентичности: «Мы

разрываемся между стремлением выразить свое истинное «я» и необходимостью предъявить онлайн свою улучшенную версию» [8, с. 37].

Бегство от подлинности в рамках трансформативности и креативности проявляется в следующих механизмах: 1) подмена «заботы о себе» заботой о репутации — акт креативности совершается не из глубинного желания выразить нечто сущностное, а из тревоги о том, что о нем могут забыть; 2) «Они» как алгоритмический цензор — человек постоянно сверяет свои действия с внешним, непрозрачным и меняющимся алгоритмическим «Они»; 3) перформативная гонка и кризис аутентичности — требование постоянной креативности создает режим перманентной перформативности, где «быть» означает продолжать репрезентации себя в разных цифровых площадках; 4) трансформация темпоральности. Цифровые «Они» создают иллюзию бесконечного настоящего, где прошлое можно отредактировать, а будущее — это продолжение бесконечной ленты новостей. Креативность, обслуживающая этот конвейер, становится формой забвения бытия-к-смерти. Бегство от собственной подлинности часто выступает как автоматически совершаемое, предрефлексивное действие. Это состояние К. Чейка назвал «алгоритмической тревожностью». Тревожность возникает из-за асимметричного характера взаимодействия человека и алгоритма. Как отмечает исследователь, у пользователей она вызывает склонность к «повторению одних и тех же ритуалов, потому что, когда такие ритуалы «срабатывают», эффект оказывается весьма убедительным, выраженным в психологическом приливе дофамина от направленного внимания» [9, с. 64]. С точки зрения Чейки, эта зависимость порождается условиями, названными им «Миром-фильтром», где «популярное становится еще популярнее, а малозаметное еще менее малозаметным» [9, с. 60]. Потребность в самоактуализации побуждает человека еще сильнее вовлекаться в пространство алгоритмов.

Это оборачивается экзистенциальным обеднением «жизненного мира», который опирается уже не на индивидуальный жизненный опыт, а на репрезентацию для «Они». Жизненный опыт обладает историчностью, он долгосрочен и последователен, а репрезентация в цифровом бытии мгновенна, точечна, ситуационна. Событие не переживается как элемент уникального опыта, а расценивается с точки зрения потенциала для успешной демонстрации. Его значимость задается не глубиной внутреннего отклика, а потенциалом для репрезентации. Формы цифровых платформ становятся формами, которые «вылавливают», формируют жизненный опыт человека, придавая ему адаптивные очертания. Переживание если и возникает, то всё меньше закрепляется в тишине саморефлексии и всё больше выбрасывается в публичное поле для валидации. В этом контексте уместно вспомнить концепцию «общества спектакля» Г. Дебора. Дебор описывал общество, где подлинное социальное бытие вытесняется его репрезентацией: «Спектакль... есть утверждение видимости и утверждение всякой человеческой, т. е. социальной, жизни как простой видимости» [10, с. 35]. Цифровая эпоха доводит эту логику до предела. Если в обществе спектакля середины XX в.

потребление образов еще требовало усилия, то сегодня спектакль стал тотальным и непрерывным. Человек не просто зритель, он — актер и продюсер, постоянно производящий контент. Отдельный образ, удачный пост становятся репрезентацией всей жизни, отчуждаясь от своего творца. Трансформативность действий человека не исчерпывается полностью неподлинным модусом существования. Возможна и иная форма трансформации — экзистенциально осознанная, связанная с рефлексией по отношению к собственным границам и способам присутствия в цифровом мире. Однако в логике платформенной культуры подобная форма трансформации оказывается маргинализированной. Формируется новый тип антропологической границы — между «включенным» и «выключенным» состояниями. Быть «включенным» в цифровой поток означает существовать в модусе «Они». «Выключение» становится формой экзистенциального сопротивления, попыткой возвращения к подлинности. Однако это сопротивление сопряжено с риском символической смерти в глазах сетевого сообщества.

3. Рождение «операционального симулякра» и цикл идентичности *Homo digitalis*. Концепция симуляции, предложенная Ж. Бодрийяром, описывает порядок, где знак (образ, репрезентация) не отражает реальность, а замещает ее, порождая гиперреальность. Бодрийяр различает репрезентацию, «исходящую из принципа эквивалентности реального и некоего “представляющего” это реальное знака», и симуляцию, исходящую «из радикальной негации знака как ценности, из знака как реверсии, из умерщвления всякой референтности» [11, с. 14]. В этом контексте перформативные действия, закрепляющие образ человека в цифровой реальности, выраженные в аватаре, профиле, наборе постов и направленные на борьбу за алгоритмическое признание, есть не что иное, как «операциональный симулякр». Он не искажает некое «реальное Я», а становится самостоятельной, функционирующей единицей в цифровой экосистеме и экономике внимания. Созданный пользователем контент, обработанный и ранжированный алгоритмами, обретает автономию от создателя. Он живет по законам платформы, порождая сетевые эффекты, непредсказуемые для автора. Креативность и трансформативность являются двигателями производства и постоянного обновления этих симулякров, обеспечивая их необходимой «аурой» новизны и актуальности. Креативность выступает поставщиком «сырья новизны», необходимого для отличия одного симулякра от другого в условиях информационного перенасыщения. Трансформативность обеспечивает «апгрейд» симулякра, его адаптацию к меняющимся алгоритмическим трендам. В данном контексте стоит вспомнить концепцию «общества усталости» Бён-Чхоль Хана. Хан утверждает, что современное общество — это не дисциплинарное общество запретов, а общество достижений. Человек трансформируется в «предпринимателя» самого себя, который добровольно эксплуатирует себя до истощения: «На место запрета, приказа и закона встают проект, инициатива и мотивация» [12, с. 57]. Императив «Будь креативным!» — это не внешнее принуждение, а внутренний зов, который человек воспринимает как собственную свободу и самореализацию. Но эта свобода оборачивается ловушкой. Добровольная и бес-

конечная креативная гонка, погоня за новизной приводят к психическому истощению, выгоранию. «Счастливое самоотчуждение» оборачивается усталостью от самого себя, от необходимости постоянно быть интересным другим. Симулякр требует постоянной подпитки, и этим топливом становится психическая энергия человека. Самоотчуждение здесь достигает кульминации. По мнению Г. Кёнига, это связано с «концом индивидуума». Он пишет: «Субъект, уже не составляющий никакой автономной единицы, способной на суждение и решение, становится попросту временной эманацией потоков, которые значительно больше его самого» [13, с. 218–219]. Происходит окончательное расщепление: подлинное «Я» отчуждается в пользу «Я-демонстративного». Архетип Пигмалиона, проанализированный Л. Демикелисом, здесь инвертируется: алгоритмическая система становится Пигмалионом, формирующим человека по своему образу и подобию.

Этот процесс утраты субъектности получает глубокое осмысление в концепции «алгоритмической гвернаментальности» А. А. Писарева. Развивая идеи М. Фуко, Писарев показывает, что алгоритмическое управление качественно меняет природу власти. Классическая власть нуждалась в производстве определенного типа субъекта, в «труде субъективации». Алгоритмическая власть больше не «говорит» с человеком на языке идеалов. Она безмолвно и объективно «сигнализирует» ему о его же собственных паттернах поведения, превращая его из субъекта, наделенного волей, в точку приложения предиктивных моделей: «Мир представляется во фрагментированной, деконтекстуализированной и деисторизированной форме. В этой форме мир уплощается и предстает как набор отдельных, поддающихся количественной оценке данных, действующих как чистые сигналы самой реальности» [14, с. 95].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Итак, описанный выше процесс утраты субъектности и последующего обратного формирования человека алгоритмами может быть описан через полную диалектическую триаду цифровой эпохи, раскрывающую цикл формирования идентичности *Homo digitalis* (человека цифрового):

1. Определечивание (экспрессивное): Внутреннее (способность, эмоция, мысль) → Цифровой объект (пост, профиль, данные). (*Акт творческого самоутверждения.*)

2. Объективация (овеществление): Цифровой объект → Автономная, отчужденная вещь (оптимизированный алгоритмом контент). (*Акт системного отчуждения продукта.*)

3. Субъективация (алгоритмическая): Отчужденная вещь (рекомендация, образ «успешного» профиля, паттерны трендов) → Внутреннее побуждение, самоконтроль, новый образ «Я». (*Акт обратного формирования человека внешней логикой алгоритмов.*)

Итоговая схема цикла: Человек → создает (креативно и перформативно) объект → который система (алгоритмов) отчуждает и превращает во внешнюю силу → которая, в свою очередь, формирует нового, трансформированного человека, готового к новому циклу определечивания в заданных системой рамках. Диалектика самоутверждения

замыкается: через перформативно-креативные и трансформативные практики человек утверждает не себя, но свою симулятивную проекцию, втягиваясь в бесконечную гонку за призрачным признанием в пространстве без референтов.

Важнейшей характеристикой данного цикла является его ускоряющийся характер. Каждый новый виток требует всё большей креативности и трансформативности для достижения того же уровня алгоритмического признания. Информационная среда перенасыщена, внимание аудитории истощается, и для того, чтобы заявление человека о себе было замечено, оно должно быть всё более эпатажным, ярким, «кликбейтным». Это ведет к радикализации самопрезентации: нормой становится то, что вчера казалось маргинальным и неприличным. Гонка за новизной неизбежно приводит к исчерпанию ресурсов «нормального» и вторжению в зоны патологического и травматического, которые также становятся сырьем для производства симулякров. Личная трагедия, болезнь, уязвимость — всё это способно быть конвертировано в контент, в валюту внимания, если приносит просмотры и «лайки». Цикл идентичности *Homo digitalis* оказывается не просто циклом отчуждения, но и циклом моральной и эмоциональной эрозии, где стираются границы между сокровенным и публичным, между подлинным страданием, переживанием и демонстративной репрезентацией.

Итак, на основании проведенного анализа *Homo digitalis* (человек цифровой) может быть определен как антропологический тип, формирующийся в условиях тотальной медиатизации жизненного мира, для которого ключевыми модулями бытия-в-мире становятся:

– Перформативность — конституирование идентичности человека через непрерывный акт цифрового самоутверждения и генерации данных, ориентированный на алгоритмическую валидацию.

– Трансформативность — вынужденная и непрерывная готовность к адаптации своих поведенческих, коммуникативных и идентификационных стратегий в ответ на изменчивые требования платформенных алгоритмов и сетевых трендов.

– Креативность — превращенная в императив и экономический ресурс способность к производству новизны, направленная преимущественно на создание и поддержание конкурентоспособных между собой «операционных симулякров».

Идентичность *Homo digitalis* носит процессуальный, циклический и внутренне противоречивый характер, раскрываясь в диалектической связи «творческое определечивание — алгоритмическое отчуждение — симулятивная субъективация». Его самоутверждение неразрывно связано с самоотчуждением, а стремление к уникальности, аутентичности улавливается и перераспределяется алгоритмической логикой производства симулякров, заставляя страсти и стремления людей действовать в интересах «хитрости алгоритмического разума». Жизненный мир *Homo digitalis* представляет собой гибридное, синтетическое пространство, где личный опыт всё чаще выкристаллизовывается не в тишине рефлексии, а в акте публичной репрезентации, а его значимость определяется не глубиной индивидуального

переживания или глубиной переживания вовлеченных других, а метриками внешней валидации.

В связи с этим возникает вопрос о возможности иной антропологической стратегии, о путях преодоления или ограничения описанного цикла. Возможно ли «выключение» из логики операционального симулякра? Или мы имеем дело с необратимой антропологической трансформацией, после которой возврат к доцифровым формам невозможен? Ответ, вероятно, лежит не в плоскости полного отказа от технологий и цифрового пространства (что утопично), а в плоскости развития критической рефлексии и «цифровой аскетики» — практики самоограничения и осознанного использования цифровых инструментов, возвращения к немедиатизированному опыту существования как ценному для человека, к опыту молчания и уединения. Это требует от человека значительных внутренних усилий, готовности к противостоянию по отношению к могущественной воле «Они», но именно в этом сопротивлении, в этом напряжении между вызовом цифровой среды и ответом человеческой свободы может открываться возможность нового, уже пост-цифрового, но этого не менее подлинного способа «бытия человеком».

Заключение (Conclusion)

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов о трансформации процессов самоотчуждения и самоутверждения в культуре информационной эпохи:

1. *Единство и взаимопорождаемость самоутверждения и самоотчуждения.* В отличие от индустриальной эпохи, где отчуждение возникало вследствие внешних, экономических условий труда (К. Маркс), в цифровую эпоху самоотчуждение возникает как имманентный, внутренне присущий эффект процесса цифрового самоутверждения. Перформативность,

креативность и трансформативность выступают одновременно как адаптационные инструменты самопредъявления личности и как механизмы ее расщепления и отчуждения. Парадокс «отчуждающего самоутверждения» становится системной характеристикой бытия Homo digitalis.

2. *Алгоритмизация диалектики признания.* Гегелевская «борьба за признание» между свободными самосознаниями трансформируется в одностороннюю борьбу за количественные метрики перед лицом непрозрачного «алгоритмического другого». Признание делегируется технологическим системам, что приводит к замене экзистенциального качества жизни человека на операциональное количество, к переходу от гармоничной целостности, соответствующей некой антропологической адекватности, к перманентной тревоге и зависимости от внешней валидации.

3. *Трансформация подлинности в эпоху «Они».* Хайдеггеровское «Они» (Das Man) обретает конкретное техническое воплощение в логике платформенных алгоритмов и сетевой культуры. Подлинное бытие, понимаемое как проект на основе собственных возможностей, подменяется неподлинным бегством в нормативные императивы современности «быть креативным» и «быть адаптивным». Креативность и трансформативность, утрачивая связь с экзистенциальной уникальностью, становятся инструментами этого бегства, обслуживая не личности, а перформативную гонку личностей и производя «счастлирое самоотчуждение».

4. *Господство операционального симулякра.* Идентичность Homo digitalis кристаллизуется в форме динамичного «операционального симулякра» — автономного цифрового конструкта, живущего по законам платформы. Креативность и трансформативность становятся метаалгоритмами его производства и обновления.

1. Elwell J. S. The Transmediated Self: Life Between the Digital and the Analog // *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. 2014. Vol. 20 (2). P. 233–249. DOI: 10.1177/1354856513501423

2. Смирнов С. А. Человек и цифра: история соблазна // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2021. № 8 (454). С. 22–29. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10803

3. Пеннер Р. В. Ab offline in online et retro offline: социально-философская интерпретация цифровой идентичности // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2023. Т. 6, № 1. С. 6–15. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-1-6-15

4. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб. : Наука, 1993. 478 с.

5. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2024. 784 с.

6. Demichelis L. Marx, Alienation and Techno-Capitalism. London : Palgrave Macmillan, 2022. 313 p.

7. Хайдеггер М. Бытие и время. 5-е изд. М. : Академический проект, 2015. 460 с.

8. Тёркл Ш. Живым голосом. Зачем в цифровую эру говорить и слушать. М. : АСТ : CORPUS, 2021. 560 с.

9. Чейка К. Мир-фильтр. Как алгоритмы уплощают культуру. М. : АСТ, 2025. 400 с.

10. Дебор Г. Общество спектакля. М. : АСТ, 2023. 320 с.

11. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М. : ПОСТУМ, 2017. 320 с.

12. Хан Бён-Чхоль. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М. : АСТ, 2023. 160 с.

13. Кёниг Г. Конец индивидуума. Путешествие философа в страну искусственного интеллекта. М. : Individuum, 2023. 352 с.

14. Писарев А. А. Алгоритмическое управление: субъективация под вопросом // *Вопросы философии*. 2025. № 10. С. 89–100. DOI: 10.21146/0042-8744-2025-10-89-100